

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СТИХОВ:
ДРУЖЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ.
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПЕРЕВОДОВ. DUBIA.*

<Ю. Н. Верховскому>

Верховский! Знал ли я, что ты,
Забывтый всеми, тяжело болен,
Когда заслышал с высоты
Звон первый вешних колоколен?

Но ты воскрес – хвала богам!
Долой пелен больничных узы!
Пришли по тающим снегам
Твой сон будить свирелью Музы.

И я, – хоть им вослед иду
Сказать, что все тебя люблю я, –
Крылатой рифмой упряжу
Живую рифму поцелую.

Выздоровленьем и весной
Прими, счастливый, благодарно
Судьбы завидной дар двойной,
Привяв урон судьбы коварной.

* Публикация Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина. Комментарий, принадлежащий Д. В. Иванову, помечен инициалами Д. И. В публикации используются следующие сокращения: БА – белой автограф, ЧА – черновой автограф.

Вот, жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею.
Смотри: бесценный дар она!
Умей же пользоваться ею.

Ты расцветешь, о мой поэт;
Вотще ль улыбкою немою
Мне предсказала твой расцвет
Мощь почек, взбужнувших зимою?

Как оный набожный жонглёр
Перед готической Мадонной,
Ты скоморошил с давних пор
В затворе с Фебовой иконой;

Стиха аскет и акробат,
Глотал ножи крутых созвучий,
И слету прыгал на канат
Аллитерации тягучей.

Довольно! Кончен подвиг твой!
Простися с правилом келейным!
Просторен свет! Живи и пой
С весенним ветром легковейным.

И пусть не в чаше кипятка
Из распустившихся варений
Твоя влюбленная тоска
Свой черпнет пыль, и вихрь парений.

Учись хмельной¹ огонь впивать
Со дна содвинутых стаканов!..
Мой рок – дразнить тебя, и звать...
Мне имя –

Вячеслав Иванов.

20 марта '907.²

¹ Было: вольней.

² БА – РГБ, 109. 2. 51. Первые 9 строф, с рядом разночтений, под названием “Выздоровление. Верховскому” напечатаны в разделе “Пристрастия” кн. “Cor Ardens” (1911; III, с. 333-4). О Верховском см. прим. 7 к письму Иванова к Шор от 2 марта 1925 в наст. изд.

<Маргарите Андреевне Бородаевской>

<1>

От Вас (и Димы) без ума,
В негодовании на кума,
Что суше и мрачней Самума, –
Великолепная кума,

Я Вам пою... Ему ж нема
Свирель непонятого кума..
Моя лирическая дума
О Вас одной, моя кума!

Благословенная зима –
И произвол султанский кума –
Вас привели в столицу шума,
Церера сельская, кума!

И модернизма кутерьма,
Не Вас достойная, но кума,
Что меж Ацтеков Монтезума,
При Вас умней, сносней, кума.

И в полдень финский тундра, тьма
(Чернее черной сотни кума) –
Где вы цветете, – не угрюмо,
Благоуханная кума!

Полны пшеницы закрома
Агрономического кума,
Но не поэм и житниц сумма,
Его богатство – Вы, кума!

И нищих рифм моих сума
С мощною рифм надменных кума,

От мадригала до пантума³
Открыта Вам равно, кума!⁴

<2>

Хронологическая помета.

Боярыня в жемчужинах,
Жемчужная сама,
Всего шесть дней, кума,
На маскарадах, ужинах
Певцов обезоруженных
Сводили Вы с ума.

4 янв<аря> 1911 г.⁵

³ Пантум – импровизированные четверостишия, соединяемые в цепочку так, чтобы 2-й и 4-й стихи каждой предыдущей строфы повторялись как 1-й и 3-й стихи следующей строфы (см.: М. Л. Гаспаров. Русский стих 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М. 1993, с. 196, 197).

⁴ БА карандашом – РАИ оп. 1. Стихотворения. Папка II. (Далее – папка II). В списке рукой О. Мочаловой (РГАЛИ, ф. 273, оп. 2, № 14, л. 8) заглавие – “Моей куме” и указание времени и места – “февр<аль> 1910. Башня”.

Валериан Бородаевский (1874/75-1923) был тонким поэтом, любящим вести жизнь активного помещика в своем имении Петропавловка, но наезжавшим иногда в “столицу шума”, в Петербург, для встречи с друзьями-символистами или на заседания Религиозно-философского общества. На одном из маскарадов, вероятно, на Башне, он появился в восточном одеянии султана. Вяч. Иванов ценил творчество Бородаевского и выпустил в “башенном” издательстве “Оры” его “Стихотворения. Элегии. Оды. Идиллии” (1909). Но и упрекал за мизогинизм:

Так борзо ты пустился
От наших Муз в губернию,
Что даже не простился
С писательскою чернию (III, с. 50).

В 1913 г. ему послано Ивановым несколько ст-й, лирически и ностальгически они описывают Петропавловку, где Вяч. Иванов с семьей любил гостить (IV, с. 16–20).

М. А. Бородаевская, женщина высокой духовной энергии, была, как и ее муж, с первых лет основания антропософского движения до последних опасных времен советского режима верной ученицей Рудольфа Штейнера (Д. И.).

⁵ РГАЛИ, ф. 273, оп. 2, № 14, л. 8, список рукой О. Мочаловой.

<Марии Михайловне Замятнигой>

<1>

Любезная Маруся!
Пока варится чай,
Давайте, вновь примуся
За рифмы невзначай.

Уж час не поздний, – ранний,
И слышен стук телег,
И воздух светлотканней...
А нас все ждет ночлег...

Мы справили ваш праздник, –
Весенний праздник наш;
И славил вас – проказник –
Поэтов карандаш.

Но спит Кузмин приятный,
Семейный наш Кузмин;
Дремоты благодатной
Чуждаюсь я один.

Да Вы со мною, верно
Бессонницу деля,
Хлопочете усердно, –
Усладами стеля

Тропы моих вигилий,
Извилины причуд...
Апрель – высоких лилий
Окрест сады цветут.

Высоких, белоснежных,
Я купы вижу их...
Но, чу, шагов прилежных
На башне шум затих...

Вы кончите, конечно,
Мой чайник кипятить.
Я буду вечно, вечно
Вас мучить и любить.

И Ваших всех усилий
 Как будто не цена, –
 Мечтать о саде лилий,
 Ласкающих меня.

1 апр<еля> 1911.⁶

<2>

Чем Вас не одарил я –
 Стихами или прозой,
 Лилеей или розой,
 Прекрасная Мария,

Всегда Вы недовольны
 И требуете боле...
 Ах, весь я в Вашей воле
 Не будьте лишь – фривольны...

Хоть Вы невинней лилий,
 Но пламенней, чем роза;
 Я ж прячусь, как мимоза,
 От девственных насилий.

20 марта 1912.⁷

<3>

Ласк ваших труся
 Панически,
 В Вас я влюблен, о Маруся,
 Но платонически.

⁶ БА карандашом – папка II, другой автограф – РГБ, 109.3.1, л. 1-1 об. О “домоправительнице” Ивановых М. М. Замятниной (1865–1919) см. в воспоминаниях Андрей Белого о Башне: «Чай подавался не ранее полночи <...> К двум исчезают “чужие” <...> Являлся второй самовар: часа в три; и тогда к Кузмину: – “Вы, Михаил Алексеевич, – спойте-ка!” <...> Часов эдак в пять Вячеслав ведет Минцлову или меня в кабинетик, где нас исповедует, где проповедует о символизме, о судьбах России часов до семи, до восьми,; а потом, оборвав свою исповедь, будит Замят<н>ину, где-нибудь здесь прикорнувшую, – слабый, прищурый, сутулый: – “Нельзя ли яшечки, Марья Михайловна?” Так что к восьми расходились» (Андрей Белый. Начало века. М. 1990, с. 355. Ср. также кн. Л. Ивановой, *passim*).

⁷ БА – РГБ, 109.3.1, л. 2

Если ж в недолжный час
Вдруг загорюсь вулканически,
Изничтожаю Вас
Антропофагически.

<Начало 1910-х гг.>⁸

Юргису Балтрушайтису

Чтоб охмелеть очарованьем
Твоих лирических чернил,
Тебя, беглец, догнать посланьем,
Твой белый лист меня взманил.
Увы, ты стал воспоминаньем, –
И лето я похоронил!

Славянский бард, вещун литовский,
Парнасский, дачный мой сосед –
(Почто лишь не сосед московский,
Коль я московский домосед?), –
Пойму ль, где кронпринц, Клуг, Лихновский,
Без наших воинских бесед?

С кем после неманской победы
Я разделю энтузиазм?
Когда сомненья видит беды,
Чей ободрительный сарказм
Напомнит – в Брюсселе обеды
С эффектом чаталджинских спазм?

Но ни разлука не продлится
Ни чудотворная война!
Коль в тайне сердце веселится,
Знать, радость въяве суждена,

⁸ БА – РГБ, 109. 3. 1. л. 3.

В нас вещей “хаос шевелится”:
Народ – река, поэт – волна

В ночь на 3 сентября 1914.
На Оке.⁹

О. Д. Каменевой

Во дни вражды междоусобной
Вы, жрица мирная народных Эвменид,
Нашли в душе высокой и незлобной,
Что просвещенных единит.
И разные, но все с мечтой вольнолюбивой
О славе новых зорь и в мир идущих Муз –
Сомкнулись в трудовой союз
Вкруг Вас, порывистой, вкруг Вас, нетерпеливой.
И полюбились нам Ваш быстрый гнев и лад,
Нрав опрометчивый и Борджий профиль властный,
И черных глаз горящий взгляд,
Трагический, упорный, безучастный.
Не каждый видит Вас такой, но каждый рад
Вновь с Вами ратовать, товарищ наш прекрасный!

4 августа 1919 г.¹⁰

⁹ БА чернилами – РГБ, 109. 3. 28. На том же листе ниже – ответное четверостишие Балтрушайтиса:

Сердце да верит упорно
Яви открывшимся снам –
Сейте озимые дерна
Вскиньте ступени во храм.

Стихотворный диалог поэтов о начале боевых действий на фронтах Первой мировой войны происходил параллельно с эпистолярным диалогом; ср. “предварительную” публикацию Н. В. Котрелева “Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа” (*Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertėjas, diplomatas. Vilnius 1999*).

¹⁰ Машинопись с правкой автора(?) в папке П. Ольга Давидовна Каменева (Розенфельд, урожд. Бронштейн, 1883-1941) в 1918-19 гг. заведовала Театральным отделом Наркомпроса, где в те же годы работал Вяч. Иванов. Ср. I, с. 160, а также воспоминания В. Ходасевича “Званный вечер у Каменевых”: В. Ходасевич. Собр. соч. в четырех томах. Т. 4, М. 1997, с. 249-252.

<Н. Н. Боголюбову>

Niccoló, color celeste!
Наш лазурный чародей!
Незабудковый без лести
Восхваляем юбилей!

Дружно, скрипки, челли, тубы,
И тромбоны, и гобой!
Исполать вам, Боголюбов,
Боголюбов голубой!

Перед вами фимиама
Воскуряем облака,
Вы ж, как некий дивный лама,
Голубейте свысока.

Дружно etc.

Голубой вкусив мазурки
Волокнистый лунный сон,
Шлют Нико с поклоном тюрки
Под лазурный небосклон.

Дружно etc.

Унесет двоих гондола
По лагуне в небо грез
Нам, в разлуке, свет Никола,
Лить потоки звездных слез.

Дружно etc.

<1923>¹¹

¹¹ Ча карандашом в папке II, текст завершен, но малоразборчив; на обороте листа наброски того же поздравительного послания. В 1924 г. в Баку оперный режиссер Н. Н. Боголюбов (1870-1951) был одним из авторов "невероятного предложения" Вяч. Иванову написать либретто для оперетты (см. Л. Иванова, с. 114).

<В. А. Мануйлову>

Я ныне вижу: не увяли
 Мои живые цветники,
 Как мотылек из ясной дали
 Ко мне упал в ученики.

<конец декабря 1923>¹²

М<арии> Г<ригорьевне> Г<речаниновой>

Пустыни знойной ветерок,
 Лохмотья пальмы шевеля,
 Лелеял бледность этих щёк, –
 Сахары жгучий ветерок, –

Их опаляя и смугля,
 И дикой воли в сердце рок,
 И жар сухой в очах зажег
 Сахары жгучий ветерок.

Биением пылким сердца жить,
 Горящим взором ворожить
 Дитя оазиса обрек
 Сахары жгучий ветерок.

Прекраснейших достойна строк
 И мелодийности иной,
 Ты вся восторг и тонкий зной,
 Сахары жгучий ветерок!

16 апреля 1920¹³

¹² На том же листе, что и предыдущее ст-е. Здесь два ЧА ст-й В. А. Мануйлову: “Поэт, пытатель и подвижник...” и “Я ныне вижу: не увяли”. Последнее ст-е – ответ на поэтическое послание Мануйлова “Ты солнцем солнечным...”; текст, приведенный в воспоминаниях Мануйлова “О Вяч. Иванове” (в кн. Л. Ивановой, с. 345) имеет разночтения в 1 и 3 строке. О В. А. Мануйлове см. прим. 4 к письму О. Шор к Иванову от 9 октября 1924 в наст. изд.

¹³ БА карандашом в папке П. О Гречаниновой см. прим. 2 к письму Иванова к Шор от 18 сентября 1925.

<Ю. Верховскому>

В римской лачуге моей, за стаканом *marino-asciutto*
Мы вспоминаем тебя, милый покинутый друг!¹⁴

10 июля 1926.

Ишкову

К этому камню придет ученик, придет и рабочий:
Воля почилла под ним и прозорливая мысль.
С жизнью, цельной как песнь, он отдал грядущему веку
Духа, свободы, труда – веру, надежду, любовь.

<1927>¹⁵

<Ольге Александровне Шор>¹⁶

<1.>

О. А. Ш. Апантема.

Когда мы встретились, – не знаем...
Но год минувший провожаем
Мы думой нежною о том,
Как встретились – впервые – в нем.

Рим, 31 декабря 1927
11 1/2 ч. ночи.¹⁷

¹⁴ БА в папке II. *Marino-asciutto* – сухое Марино (ит.), название итальянского вина.

¹⁵ БА чернилами в папке II; заглавие карандашом. Четверостишие посвящено памяти Леонида Александровича Ишкова, декана филологического факультета Бакинского университета в годы, когда там преподавал Иванов (1920–24). Защита диссертации Иванова происходила под председательством Ишкова (см. шуточные стихи Байбакова в I, с. 171). Глубокая дружба связывала Вяч. Иванова с Ишковым, религиозным агностиком, близким к марксизму. Узнав о смерти Ишкова, Иванов пишет детям 26 марта 1927: “Зуммер извещает, что 12 марта скоростижно умер Леонид Александрович Ишков. Еще накануне был в заседании. Мне очень грустно. Он не выходит у меня ни на минуту из головы”. (Д. И.).

¹⁶ Все ст-я, кроме 1: БА в папке II. Для полноты укажем еще на посвященное О. Шор шестистишие “Коль Вам по сердцу...” // “*Europa Orientalis*” XVII, 2, 1999, с. 269–270.

¹⁷ БА на форзаце кн. “Переписка из двух углов”. Пб. 1921

<2>

Beitrag zur Philosophie des Apantetismus.¹⁸

Я в мареве фантазмагорий,
 А Вы в тумане категорий
 Блуждаем ощупью вдвоем,
 Порою сталкиваясь лбом:
 Поэта водит Свет-Егорий,
 Вас Микель-Анджело кругом...

И эту странную средь странных всех историй
 “Апантетизмом”¹⁹ мы зовем.

Vossa di Leone
 10 окт<ября> 1928.

<3>

Вещей Фламинго, автору этюда о В. И. и М. Г.

Самопознанием я, друг мой, Вам обязан:
 Христианин, мыслитель и поэт,
 В бенгальском зареве распластан и показан
 И с отвращением гляжу на свой портрет.²⁰

3. 5. 29.

<4>

“Хотелось бы”... Вас позабавить –
 И к этим тусклым письменам
 Хоть рифмы, что ли бы, прибавить...
 О чем? – еще не знаю сам...
 Но дружбы “памятные знаки”
 Обречены ли послужить
 Беспамятству? –
 Как эти маки
 Снотворные разворожить,

¹⁸ К философии апантетизма (нем.).

¹⁹ Об этом термине см. наст. изд., с. 149.

²⁰ Из пушкинского ст-я “Воспоминание”: “И с отвращением читаю жизнь мою, Я трепещу и проклиная...” Ст-е написано после прочтения первого варианта предисловия к итальянскому изданию “Переписки из двух углов” В. Иванова и М. Гершензона; см. письмо Вяч. Иванова к О. Шор от 4 мая 1929 г.

Что мрачно-тлеющею нивой
 (Не Ариманова ль огня?)
 И душат, и глушат меня? –
 Скажите, врач мой прозорливый!

18/XI/ 29.²¹

<5>

Каноник, Айлурос и Псица
 И в розах плиты старых стен
 Скитальца монастырский плен...
 А в небе – Розовая Птица.

Павия 20. XI. 29.²²

<6>

“Schaht und Stern”²³

Я был не глуп – чужим умом,
 Не беден был – чужим именем;
 Пылал – соседским вдохновеньем:
 А вдохновитель мой был – Флом.

Nolí, на 24 октября 1930.²⁴

²¹ Ст-е видимо было приложено к письму Иванова к Ольге Шор от 18 ноября 1929 г. “Хотелось бы...” – так всегда, по её рассказам, начинал, ласково и застенчиво, все свои обращения к жене, детям, друзьям, её отец, Александр Соломонович Шор, профессор Московской консерватории, человек известный и уважаемый в музыкальном мире. “Памятные знаки” – термин из книги “Мнемология”, над которой работала О. А. Шор. “Мрачно-тлеющею нивой” – эти годы, после окончательного выезда из России, были для Вяч. Иванова временем тяжелого внутреннего возврата к трагическим опытам последних лет в России. (Д. И.).

²² Дарственная надпись на обороте фотографии, где Вяч. Иванов снят вместе с доном Нашимбене, глядящим собаку (помещена в “Воспоминаниях” Л. Ивановой и “Беседах с Д. В. Ивановым”). О. Шор просила Иванова увеличить снимок, чтобы сделать из него портрет (письмо 16 ноября 1929 и сл.). По поводу посвящения она замечает: “Птица восхищенно и умиленно прочла свое созвучие с Псицей, за что приносит глубокопочтительному милтому ее сердцу Айлуросу свою многоптичью благодарность” (письмо от 3 декабря 1929 – РАИ).

²³ “Пропасьт и звезда” (нем.).

²⁴ Флом – уменьшительное от “Фламинго”, ср. письмо О. Шор к Иванову от 1 июля 1930 и письма Иванова к Шор от 25 сентября и 10 ноября 1930 в наст. изд.

<7>

L'angoisse du moment²⁵

Бедный “автор” чуть не плачет,
 Псевдонимом уши прячет,
 А издатель – мочи нет!
 – Тащит автора на свет.

24. VII. '31.²⁶

<8>

Сотруднице

Философические будни,
Логомахий линияльй хлам,
Аналитические будни,
Мифологический бедлам –
И слог ходульный!.. Но страницы
Невнятной бормотни крыло
Горящей гостьи, Феникс-птицы,
Огнем и духом обожгло.

24. VII. '32.

<9>

Акrostих дополнительный к “Сотруднице”

Горящей гостьи, Феникс-птицы
Ловлю, мудролюбивый кот,
Уроки, что теолог Тот
Преподавал в уши ученице...
Ангелологий, мнемологий
Я кодекс проверяю строгий

²⁵ “Ужас момента” (фр.). Сравни письмо В. И. Иванова к О. А. Шор от 1 сентября 1930 г.

²⁶ Без даты и с разночтением в строке 2 опубликовано в кн. Л. Ивановой, с. 230.

По айлурическим моим
 Теориям: все, вижу, – дым!..
 И в миг лирический и цапкий
 Царапнул бы я Птицу лапкой,
 А может быть... Но умолчим!

Chief Cat.
 24. VII. '32.

<10>

Фламинго, мой ручной эол,
 Мне в чашку кофе дует.
 Блажен, над кем прекрасный пол,
 Заботливо колдует.
 Загнал студентов в угол Кант, -
 Махну рукой – мой адъютант
 Им “Критики” толкует.

Имей досуг, имей талант,
 Я исписал бы фолиант
 О том, как он зимует
 Со мною, зябкий Зарекрыл,
 А все ж, Египта старожил,
 По Ниле не тоскует.
 И сладко тот, кого сам Тот
 Учил уму, воркует;
 А на лежанке дремлет кот
 И в ус себе не дует.²⁷

<Дону Джузеппе де Лука>

Ни богословская наука,
 Ни мистики полнощный свет

²⁷ Написано в Павии, куда, на зимние месяцы, Ольга Александровна Шор приезжала и останавливалась в гостинице “Gambagana”. Туда заходил Вяч. Иванов и Ольга Александровна угощала его кофеом. Одной из обязанностей Иванова в Колледжо Борромео было помогать студентам в их филологических и философских работах. Когда слишком сложные для юных южных умов философские схемы затрудняли студентов, Иванов, занятый другими делами, просил О. А. Шор – хорошего знатока немецкой философской мысли – разъяснить им в главных чертах книгу Канта “Критика чистого разума” или другие его сочинения. (Д. И).

Вас не отнимут, Дон Де Лука,
У нас, затем что Вы поэт.

Мертвела б наших Муз обитель,
Наш храм словесный был бы пуст,
Без Вас, наш двигатель, живитель,
Наш Аристарх и Златоуст.

Пусть не ревнивая наука,
Ни мистики “надмирный” зов
Не уведут вас, ткач Де Лука,
Прочь от станка цветущих слов.²⁸

<О. И. Синьорелли>

<1>

В альбом О. И. Синьорелли.

Тринадцать лет мы в радости, в печали,
В заветных снах друг другу отвечали,
Как ряби вод склоненье тростников, –
Аукались из облаков...
Не родина был мир нам, а дорога,
И встречный путник – предваренье Бога.

За шумною беседой, вдруг в тиши
Потусторонней, чуждедальной,

²⁸ БА карандашом в папке П. Стихи, написанные в тоне “альбомном”, сам монсеньер Джузеппе де Лука оценить не смог. По-русски он не говорил. Правверный священник, эрудит, глубокий знаток западной мистики, но и внимательный наблюдатель современных литературных течений и мод, блестящий “causeur” и друг всех литераторов современной ему Италии, don (как все его называли) De Luca часто встречался с Вячеславом Ивановым в Риме, в 30-е годы переписывался с ним, питал к нему – “учителю” – чувство дружбы и высоко ценил доступные ему в переводах писания. Дон Де Лука и близкий друг его Дж. Папини – покровители молодого флорентийского литературного журнала “Il Frontespizio”, усердно привлекали Вяч. Иванова к сотрудничеству в нем. В Де Лука Вяч. Иванов видел возможного итальянского Бремона, автора знаменитой книги о французской мистике. “Вы должны сделать для истории итальянской мистики, – говорил Вяч. Иванов своему итальянскому приятелю, – ту монументальную работу, которую произвел во Франции Бремон”. Книгу такую Де Лука не написал, но задуманные и осуществленные им издания – серия “Edizioni di storia e letteratura” – стали главным и успешным делом его жизни. (Д. И.).

Душа, склонясь к биению души,
Так ловит ухом звон хрустальный
Неведомых ключей в лесной глуши,
Зов памяти первоначальной.

28 ноября 1937.

<2>

Ты, как шар бильярдный в лузе,
Улеглась на лаврах Дузе
И на Ангеловом пузе
Уж не блещешь, как брелок.

Есть и вольным бракам срок,
И семейственной обузе.
Ныне в тройственном союзе
Служите высокой Музе,
Бонза, ты, – Милош, и Хок.²⁹

26. III. '44.

<Анне Ивановне Лозина–Лозинской>

<1>

Вы обручились с Пространством
Кольцом волшебным – и места
Меняете с непостоянством
Живым как ветер и мечта.

Марокко, Нил, Техас, Канада
И лед арктических ночей

²⁹ Еще будучи молодым (но и тогда уже внушительно полным) профессор из южной Италии Анджело Синьорелли не скрывал свои свободолюбивые и анархические мнения, так что когда он решил связать свою жизнь со столь же молодой феминисткой О. И. Ресневич, они оба отказались от буржуазных свадебных формальностей; их друзьям была разослана элегантно напечатанная карточка, приглашающая на совместное празднование их вступления в “свободный союз”. В этом браке они имели трех дочерей, но после долгой совместной жизни решили расстаться. Впоследствии Ольга Ивановна жила в старом римском районе Трастевере и близко дружила – платонически – с известным венгерским танцором и хореографом, балетмейстером Римской оперы Аурелом Милошом и с немецким художником и историком искусств Густавом Рене Хоке (Д. И.).

Равно забава иль услада
Девичьих выпуклых очей.

Вам весело с благоволеньем
В узоре волн ловить изгиб,
Пленивший Вас в нырке тюленьем
И в танцах эритрейских рыб.

Когда б приглядчивая Ева
Прошла, гуляючи в раю,
Как Вы, беспечно мимо Древа,
На плод любуясь и змею!

Покой Ваш возмутить бессилен
Румяный кубок всех отрав,
И взор внимательный умилен,
Как чист кольца волшебный сплав.

17 октября 1942 г.

Рим.³⁰

<2>

Акrostихи Фоки

Фантазия равна в Вас доброте,
Отзывчивость мелодии душевной.
Как Вас благодарить? Нет слов, иль все не те?
И как мне петь в ответ на Ваш привет напевный?

17 марта '44

<3>

Феи пенье ловит слух
Одарить меня слетает.
Кошельком лучи сплетает
И мимоз весенний пух.

28 февраля '44

³⁰ БА чернилами с карандашной правкой в папке П. В машинописной копии заглавие: "В альбом А. И. Л". А. И. Лозино-Лозинская, урожденная Щегловитая (1894-1970), и ее муж доктор Константин Константинович – многолетние римские друзья Вяч. Иванова. До их окончательной оседлости в Риме они много путешествовали в далеких странах, нередко в компании Николая Рериха. В семье Иванова прозвище Лозинской было "Фбки" (Д. И.).

<Сесилу Морису Боура>

Ad C. M. Bowra
Artis poëticae antistitem Oxoniensem
Disticha
(commentariolo subscripta)

Convivis mutis epuli, Musis peregrinis,
ore loqui suades, docte poeta, tuo.

Ecce alterna canunt vox surda et vocis imago
clarior, et formam reddit opus geminum.

Ast ego nostrates interpretor, aurea mutans
carmina in aes raucum, genti alienigenae.³¹

³¹ БА карандашом в папке II.

Приводим также первоначальный вариант, БА чернилами на обороте того же листа, перечеркнут наискось карандашом:

Mutis in vestro thiaso Musis peregrinis
ore loqui suades, docte poeta, tuo.

Ecce melos recinit tacitarum vocis imago,
molliter et formam reddit opus geminum.

Ast ego nostrates interpretor, aurea mutans
carmina in aes raucum, genti alienigenae.

[перевод]

Музам немым, на пиршество ваше заблудшим,
Ты, о мудрый поэт, уста свои даришь для речи -
И песнь доселе молчавших раздаётся как эхо
ясное: так форму приемлет труд твой двоякий.
Я же лишь наших певцов предлагаю, меняю
Золото песен на хриплую бронзу, для инорожденных.

Cecil Maurice Bowra (1898-1971), известнейший классический филолог, в 1946-1952 профессор поэзии в Wadham College, в послевоенные годы был гостем Вяч. Иванова в доме на Авентине (см. I, с. 227).

[Перевод]³²

Оксфордскому жрецу поэтического искусства

С. М. Bowra

посвящается Дистих

(с небольшим комментарием)

Музам чужестранным, гостям пира немого

Ты, о мудрый поэт, уста свои даришь для речи -

И, чередуясь, звучат то голос глухой,

то ясное эхо; так форму приемлет труд твой двоякий.

Я же лишь наших певцов прелагаю, меняю

Золото песен на хриплую бронзу, для инорожденных.

³² Перевод А. В. Кейдана.